

84(2.Рос.-Ручей)

Г37 Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

ФК

A photograph of a snowy village scene. In the background, a church with a tall, dark steeple stands against a clear blue sky. The village consists of several houses with snow-covered roofs and dark wooden facades. The foreground is a wide, snow-covered field with some bare trees and a fence line. The overall atmosphere is peaceful and wintry.

С л е д

сборник стихов

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

З ТМО Т. 3.600.000 З. 852—87

67(2100-4КЕМ)-3
Г 37
Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

163042

С Л Е Д

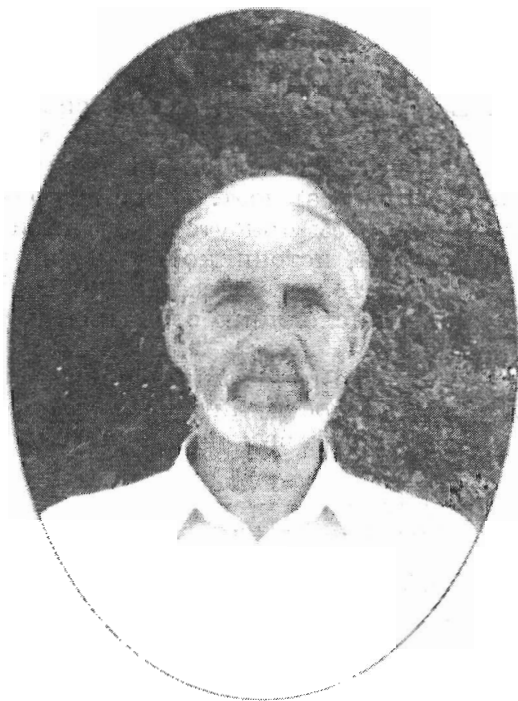
(СБОРНИК СТИХОВ)

-163042-

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

г. Ленинск-Кузнецкий
2005 год

1935 год - 2005 год

к 70-летию

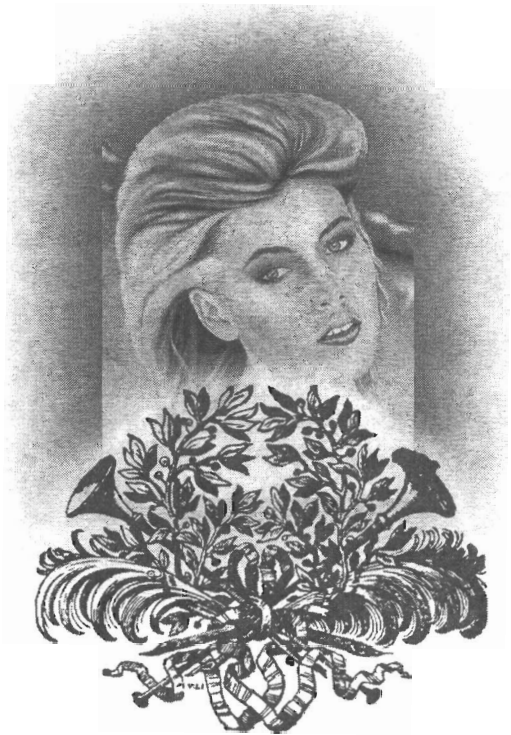

Чувством большой любви к сибирской тайге, природе наполнены стихи мастера строки Леонида Михайловича Гержидовича.

О чём бы ни писал поэт: о Родине, друзьях, природе, - во всём присутствует удивительная энергетика, источником которой является жизнелюбие, глубокое пережитое понимание сути происходящих событий в природе и жизни.

Открытая, где-то незащищённая от суровой действительности, лиричная душа поэта ярко прослеживается в его жизни и творчестве.

*... Кому-то много денег,
Чтоб вволю пить и есть,
А мне без сожаленья
Дарить другим, что есть*

БЛАГОВЕСИ

Кому-то плесть корзинки,
Кому-то жечь гармонь,
А мне ловить снежинки
На теплую ладонь.
Кому-то с поднебесья
Срывать свою звезду,
А мне с бобрами вместе
Луну качать в пруду.
Кому-то много денег,
Чтоб вволю пить и есть,
А мне без сожаленья
Дарить другим, что есть.

Маячило перед окном.
И что ни год, под небом общим,
Своею долею томясь,
Я чуял с тополем усохшим
Смертельную взаимосвязь.

НОЧЛЕГ

Бескрайней Сибирью под Богом,
Встречая лицом холода,
Скитаясь по зимним дорогам,
Я брел неизвестно куда.
Лишь зыбилося предошущенье
Под посвист метелей шальных,
Что где-то сокрыто скрещенье
Надежд и свершений моих.
Где снег под деревьями топко
Лежал в леденеющей мгле,
Береза свой плащ на растопку
Безропотно скинула мне.
И пихта в цепучем подлеске -
Моя ветровая сестра -
Дарила с восторженным треском
Сухие сучки для костра.
Тянули степенные ели
Мохнатые лапы ко мне,
Чтоб запах смолистой постели
Мне силы прибавил во сне.
Ворочалась бездна без края,
Всему навевая покой,

Уклады и́ власть мировая
Вершились над сонной тайгой.
Где в скопищах звезд надо мною
Без радостей и без похвал
С надеждой и тихой тоскою
Сияющий ангел летал.

Я опять тебя не встретил -
Знать, судьбы укор...
Одинокий треплет ветер
Мой ночной костер.
Между нами темь и стужа,
Между нами дождь.
Разлилась тоска по лужам,
Где меня ты ждешь.
Если к сроку не приеду,
Не кори меня,
Отыщи меня по следу
Ветра и огня.

ПОЗЫВНЫЕ

Я слышал твои позывные,
Когда у лесного огня
Метели до одури злые
Хотели осилить меня.
Декабрь мне в лицо назиданьем
Колочие хлопья метал,
Но медленно из мироздания
Твой голос ко мне долетал.
В нем жили и ласка, и нега,
И страсть, что вскипала дрожа,
И холод тяжелого снега,
И легкость бывшего дождя.

Затерян я в сумрачной чаще,
А ты - между каменных стен,
Где дыбятся вrost телебашни
Да копыа высоких антенн.
Там в судьбах всевышнюю властью
В счастливых порывах и без
Вскипают полночные страсти
И сыплется манна с небес.
А мне и не то, и не это -

Лишь полночь да ветер в горсти...
Извечная доля поэта -
Любимых терять на пути.

ПУРГА

Как голодный хищник, с ходу,
На притихшую тайгу
Напустила непогода
Одичалую пургу.
Белкота под хвойной крышей
Хохлит ворс и ни гу-гу,
Зайцы, рябчики и мыши
Позапрыгались в снегу.
Ветер злится, ветер свищет
Не встречая никого.
Что он хочет, что он ищет?
Сам не ведает того.

В пуржистой мгле куда идти?
Найдёшь ли в сутемени друга,
Когда нескладные пути
Заполонила злая вьюга?

ЛЫЖНЯ

Через горы, отроги и пади,
Много пота затратив и сил,
От избушки своей к автостраде
Я лыжню по снегам промесил.
То-то будет друзьям незадача!
Не заблудятся лютой зимой.
Прямо в сердце тайги, как на дачу,
Прибегут повидаться со мной.
Будут тосты, застольные речи
И соленый частушечный смак...
В предвкушеньи намеченной встречи
У стола колдовал я, как маг.
Млели грузди губастые в блюде,
Рыбья сушь и медвежье филе.
Из лосятины зыбистый студень
И картофель, печеный в золе.
Не чета косорылой сивухе,
Королем водрузившись на трон
Задыхаясь в ореховом духе,
Стыл в бутылке первач-самогон.
Вот и ночь навалилась мохнато
На деревья, объятые сном.

Лишь избушка моя виновато
Вдаль глядела промерзшим окном.
Тихо плакал нетронутый ужин
У пустой предзастольной скамьи.
В дверь стучалась январская стужа...
Где ж вы, верные друзья мои?
Может вам и не снилась дорога,
Или вам не дойти до меня,
Где тоскует в ночи одиноко
От порога лесная лыжня?

БЕССОННИЦА

К рассвету ночка клонится.
В избе углы глухи.
Спасите от бессонницы
Меня, мои стихи.
И что я напроказничал,
И что я натворил?
Мне этой ночью каверзной
Забиться нету сил.
Прорехи в доле нищенской
Изметили меня.
Давно в земле кладбищенской
Покоится родня.
Жена и та, наверное,
Клянет и так и сяк,
Что я от дома верного
Отбился, как босяк.
А в мыслях неуверенных
Кровят, как ни крои,
В дорогах неизмеренных
Сомнения мои.
Но верю я небесному
Закону одному,

Воздастся честь по честному,
А радость по уму.

В РАЗЛУКЕ

Ползаю - не бегу.
Боль из груди не выжать.
Я без тебя не могу
Мне без тебя не выжить.
Крыша в моей судьбе,
Горный увал с тропюю,
Сила моя в тебе,
Доля моя с тобою.
Ты мне игла и нить,
Ты мне земля и небо.
Мне без тебя не жить,
Как без питья и хлеба.

Когда исходит сердце болью
Стихом кровавым на листе,
Кощунственно играть любовью,
Распяв надежду на кресте.

А ТЫ УШЛА

Машинный вой, ребячий гам
И детский плач у парашета...
По раскаленным гаражам
Шагает за окошком лето.
А ты ушла, как в полдень тень,
За тридевятое раздолье.
О, Боже мой, как долог день!
Схожу на Суховское, что ли...
Там посижу среди рыбаков,
Где блики солнышко верстают.
Освободившись от оков,
Там сердце от сует отгадет.
Исчезнет давнее крыльцо,
Где жизнь текла осиротело.
Подставлю солнышку лицо,
Забыв про все, что наболело.
Сомнение среди дольных вод
Нырнет в глубины малой рыбкой,
И солнце по воде скользнет
Твоим лицом, твоей улыбкой.

ПОВЕЛИКА

Где усики топорщит вика,
Кровавой нитью извитой
Корней лишившись,
Повелика
Сплелась с живительной травой.
Как повелика с летним лугом,
Не ради ветреных утех,
Не только плотью,
Но и духом
С тобой мы связаны навек.

НАС ПРИВЕТИЛА ДЕРЕВНЯ

Где коровушки мычали,
Славя дом и двор,
Завалился от печали
Брошенный забор.
И петух откукарекал
Под своей стрехой.
...Бил взашей упрямых зеков
Доблестный конвой
Не узреть былого смысла
На побритых лбах,
Где «колючка» пообвисла
На гнилых столбах.
Все сгорело, как в пожаре,
Только у раки
Лысый столб в вечерней хмари
Воздух сторожит.
От рассвета до заката
Запустелый луг
Дождидается возврата
Наших сил и рук.

Что нам в городе ютиться,

Жизнь томя свою?
Заживем с тобой, как птицы,
В ягодном краю.
Коль приветила деревня,
Мы свое возьмем.
Свет и темень жизни древней
Встретим новым днем.

Холода надвигаются
Нелюдует тайга.
А мне времечко нравится,
Даже ночь дорога.
Охрой солнца помеченный,
Осыпается лист.
По реке обесцвеченной
Рыба тронулась вниз.
Ищут место надежное
И мураш, и медведь,
Чтобы зимушку грозную
Пережить, одолеть.
Только эти заботушки
Мне давно ни к чему...
К дому лесом по тропочке
Подхожу своему.
Здесь работалось песенно
До потемок с утра,
Где петух ходит весело -
Королевич двора.
В доме горница светлая
И герань на окне,
И хозяйка приветная
Улыбается мне.

КОЛЮ ДРОВА

Любо похозяйничать!
В глубине двора,
Силою играючи
Я колю дрова.
На года - под семьдесят,
Сердцем не ропщу.
Чурбаки, как семечки,
Колуном лущу.
Внучек тож не ленится -
Малый любит труд,
И дрова в поленнице
Этажом растут.
Вечер сизой горлицей
Кружит у жилья.
Будет жаром полниться
Горница моя.
Думает соседушка,
Глядя через тын:
«Мне б такого дедушку!
Жару б дали, блин...».

ВЬЮГА

Разгуделися вольготно
Телеграфные столбы,
Вьюга белые полотна
Поднимает на дыбы.
Наметает горы снега
Прячет в сугемень дома,
Валит пешего с разбега
Озорная кутерьма.
А по мне - пусть вьюга злится.
Приберег я для зимы
Меховые рукавицы,
Недырявые пимы.
В легком сердце нет тревоги,
Хорошо и вольно мне.
Вдоль деревни без дороги
Продираюсь в белой мгле.

ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ

Не жалея звездного белила,
Оттеснив и морось, и капель,
Опушила за ночь, обелила
Всю окрестность юная метель.
Ах, метель, проказница-девчонка,
Я сидел у говорящих вод,
Видел, как уверенно и тонко
Забирают забереги лед.
Сердце не услышало угрозы,
И нутро не тронуло нитье.
Мне еще не верится в морозы
И в зимы сибирской долготье.
Вместо отрезвляющих снежинок
Мне блеснуло солнце с крутизны,
Где в уснувших веточках осинок
Затаилась дымчатость весны.

ОЖИВЛЯЮ НОЧЬ СТИХАМИ

Строчки птицами порхают.
Словно в пламени горю!
Оживляю ночь стихами -
С целым миром говорю!
Ярким словом чищу образ.
Над метафорой корплю.
Людам злым и людам добрым
Радость поровну делю.
Смех дарю без проволочки,
Усмиряю боль и блажь,
И в конце буравит точку
Мой усталый карандаш.
Как водицу из колодца
Горлом пробую стишок.
Кажет утреннее солнце
Мне в оконце гребешок.

ПЕТРУХА

Что, Петруха, ты не весел,
Где твои избытки сил?
Сколько ты покуролесил,
Сколько горя намесил!
Ты шагал дорогой плоти,
Низвергая и круша,
Не твоя ли - вон, в болоте, -
Трепыхается душа?
Не боясь креста и Бога,
Проклиная потроха,
Ты скажи, зачем так много
Накопил в себе греха?
А теперь вздыхаешь тяжело
И разбитый, и больной,
И костлявая кондрашка
Затаилась за спиной.

«Будьте, как дети».
(Ев. от Матфея)

Если сердце страданий не слышит,
И тоска подступила, как смерть,
Научись у простых ребятишек
На простую ромашку смотреть.
Удивляться пчеле и букашке,
Разглядеть их нектаровый пир,
И душа, как в обнове-рубашке,
Возвратится в утраченный мир!
И Божественный выдох природы
Озарит истощенную плоть.
Так усталому путнику в воду
Помогает войти сам Господь.

НЕ БОЙСЯ

Не бойся самого себя,
Себя пойми, с собой освойся
И одиночества не бойся,
Галдеж застолий разлюбя.
И мудро вызреет в тиши
Дар и таинственный и редкий,
Как плод на выстраданной ветке -
Святая ягодка души.

МОЙ ОГОНЬ

Где певали птицы хором,
Я, еще молокосос,
В этих песенных просторах
Губкой к дереву прирос.
Не с нее ль охотник старый,
Применив привычный труд,
Изготовил для кресала
Под живую искру трут?
И теперь в моем жилище,
Только сердце чуть затронь,
Как веселое кострище,
Бьется песенный огонь.

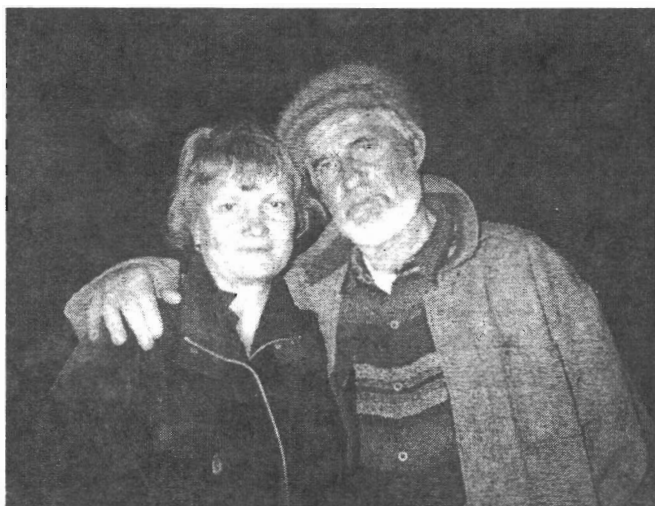

МОЛЧАНИЕ

Нине

Всем надеждам твоим
Рвется сердце помочь...
Над поселком лесным
Звезды выткала ночь.
Я к тебе прилечу,
Лишь прокычет сова.
И с тобой помолчу.
Не нужны нам слова.
Скажут в печке дрова
Нежным всполохом чувств
Неземные слова
Несходящие с уст.
И молчаньем своим
Я тебе передам
Все, что нужно двоим,
Все, что дорого нам.

С супругой Ниной Антоновной

Я ПРИДУ

Я приду к тебе под вечер,
Лишь блеснет заря в затоне,
И на худенькие плечи
Опущу свои ладони.
И тебя в домашнем платье,
Как ребеночка в тулупе,
Утоплю в своих объятьях
Расцелую жадно в губы.
Только ты, как мак, алая,
Не смущайся, Бога ради,
Потому что нет милее
Этой детскости во взгляде.

ДУША И РАЗУМ

Дна души мне не измерить, -
В ней рассудку не приют.
То ли там грызутся звери,
То ли ангелы поют?
Самому себе загадка,
Темный ребус сам себе,
То ли горько, то ли сладко
День означится в судьбе.
Сердце чуткое подскажет
Тропы тайные в пути,
Ну а разум не уважит
До предчувствий снизойти.

ДО СВИДАНИЯ, ЗИМА

До свиданья, зима, до свиданья!
Не сломило меня вьюговье,
И сугробы твои в назиданье
Не осели на сердце мое.
Я такой же, как в годы босые,
Где в селенье завьюженном рос.
Сколько дров в бушевавшей стихии
Из тайги на себе перевез!
Пропотевший, впряженный в салазки.
В кураже, словно белый медведь...
Злой мороз в снеговой перепляске
Был не в силах меня одолеть.
Не с того ли сибирские зимы
С тех далеких мальчишеских пор
Так легко для меня вывозимы
На желанный весенний простор.

ЗОВ ВЕСНЫ

Еще с утра мороз крутой
Деревья рядит инеем,
А небо, небо уж не то -
Глубокое и синее,
Свежеет обликом село.
Бреду я за околицу.
Снег под ногами, как стекло,
Хрустит, звенит и колется.
Тайга еще глуха, нема,
Не огласилась птицами. -
Как ни кукожится зима -
В оврагах не укрыться ей.
Прошли ее глухие сны
Под вьюг разноголосицу.
Я слышу ясный зов весны,
Он прямо в сердце просится.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Гей вы, ель и осина,
Пихта, кедр и сосна,
Гляньте, вашего сына
Оживила весна.
Был в предсмертной я спячке,
Как медведь в полусне,
Все мирские болячки
Заскорузли на мне.
Я от них отряхнулся,
Хворь откинул назад,
Вместе с вами проснулся,
Дню пришедшему рад.
Намечаются с юга
Ветры летние дуть.
Снова силой упругой
Наливается грудь.

ЗРЕЛОСТЬ

Не считал непосильной обузой
Я уклад и заботы семьи,
Но ее всеохватные узы
Угнетали надежды мои.
Коль отцами становятся дети,
Пережившие возраст юнцов,
Для чего мне условности эти -
Все проблемы - детей и отцов?
Выплывайте!
Просторы открыты.
Вам в иные входить времена...
Ну а старость - не вздох у корыта,
Как ребенок, ранима она.

САРАНКА

Юная, рассветная саранка,
Чувств во мне глубинных не буди.
Пусть веснушки снова спозаранку
Расцветают на твоей груди.
Я отцвел, и сердце бьется глуше.
Отшумели летние сады.
И во мне, как на осенней груше,
Налились созревшие плоды.
А тебе цвести. Дышать озоном.
За ночь вон как воздух загустел!
И не твой ли в гульбищах зеленых
Дождик благодатный шелестел?
Он вернется, тропкой затопчет
И с тобой поговорит за жизнь,
Что-нибудь земное напроорочит,
Только с неземным - ты не вяжись.
Я не твой. Повыстрадал я много.
С неземным труднее во сто крат.
Слишком тяжела его дорога.
Много скорби, боли и утрат.
Посмотри, как утро золотится
И прими все сущее, любя!
Для тебя и дождь, и щебет птичий,
И июль роскошный для тебя.

Где от жажды талинки
Льнут к желанной волне,
В по-над речной тропинке
Узнаешься ты мне.
Не тебя ль, не смолкая,
В ивах кличет кулик?
Ты в меня проникаешь,
Как в трущобу родник.
Хочешь, в солнечный полдень
На речном берегу
Для больших половодий
Я тебя сберегу.
Закачаемся вместе
На зыбучей волне,
И подарить ты песню
В мире лучшую
Мне.

РАССТАВАНИЕ

Луна, чтоб нам не помешать,
Нырнула за плетень.
Давай не будем мы скучать,
Сгорел последний день.
И этот сумрак голубой
Для нас.
Целуй меня!
И мы расстанемся с тобой
У этого плетня.
Ты раздарила страсть свою
Таким же, как и я.
Войдешь в былую колею,
Желаний не тая.
И предо мною тот же путь -
Намеки на любовь.
Вновь встречу я кого-нибудь,
Чтобы расстаться вновь.
Печаль означится слезой,
Как блик былой свечи,
А поцелуи - твой и мой -
Заблудятся в ночи.
И жизнь истает, словно дым,

В бессмысленности всей...
Одним богаты мы, одним -
Свободою своей.
Луна, чтоб нам не помешать,
Нырнула за плетень.
Бросай грустить, кончай скучать,
Сгорел последний день.
Под жар сердец и губ, и щек
Гаси тоскливость глаз,
Целуй, целуй меня еще,
Целуй в последний раз!

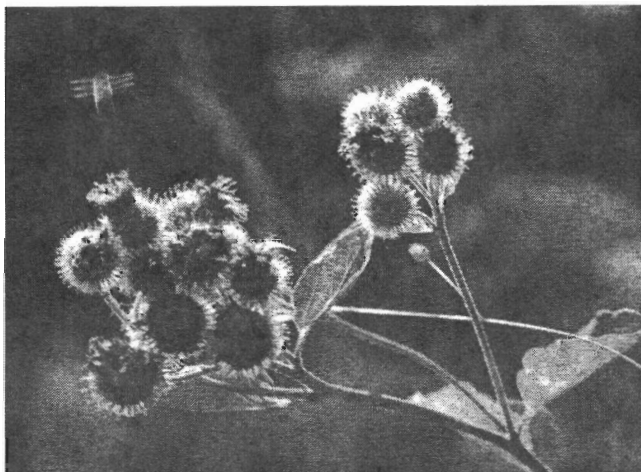
ДОБРОЕ ЛЕТО

Нине

Теплотой первобытной согрето,
Благолепье суля за версту,
Всеми силами доброе лето
Помогало нам выжить в лесу.
Опьяняло звенящей водою,
Подносило дары без помех:
То саранку с колбой молодою,
То злаченный кедровый орех.
Уводило студеною речкой
К перекатам без тропок-дорог,
Где за удочкой хариус свечкой
Прыгал чуть ли не в наш котелок.
Наливалась рубином рябина,
А под ней на кустах налита
Вдоль медвежьих набродов малина
Поцелуем просилась в уста.
И твои и мои поцелуи
Вдалеке от наветов и пут
Восторгаясь, смеясь и ликуя
До сих пор в летних травах цветут.
Как стог сена, судьбу мы вершили,
Долгий отдых даруя словам,
Где толпились деревья большие,
По большому завидуя нам.

Где удача?
Да кто ее знает...
Жизнь моя, как истертый пятак.
Благодушье во мне угасает,
Видно делаю что-то не так.
Были взлеты, паденья, промашки...
Я немало за жизнь повидал:
Как смеются над полем ромашки
И как плачет у рек краснотал.
Не по мне и хвала, и дележка,
И нажива не мой интерес.
Мне бы в утреннем поле дорожка
Да под солнцем улыбчивый лес.
Осчастливиться.
Волей упиться.
Опьянеть под кукушье «ку-ку».
И, как в детстве, опять научиться
Восторгаться пчеле и цветку.

*Где в цветке росинка зреет,
Где слеза так солона...
И остудит, и согреет
Дорогая сторона.*

БЛАГОВЕСТ

А. В. Коновалову

Я пьянею от запаха хвойного,
Спелый август мне, как благовест.
Неужель из ореха кедрового
Я явился на Божеский свет?
И не в честь ли меня у Скабленки,
Где мой прадед елани косил,
В час урочный задорно и звонко
Над округою лось протрубил?
Озирал я любимые дали
С высоты озаренного дня.
Небеса мне оттемки прощали
И дожди причащали меня.
На сугревах зверята резвились,
Хороводились возле берез,
И столетние сосны дивились,
Как я в землю родимую врос.
Не с того ль мне так благостно слушать,
Как поет прародитель-ручей,
Где берез кучерявятся кущи
И колышется мощь кедрачей.

КТО Я?

Мелкий дождь, как через сито,
Моросит и моросит
Говорит о позабытом,
Опечалить норовит.
Затуманились просторы,
Жар костра увяз в золе,
И расплывчатые горы
Затонули в полумгле.
Я притих, склонивши плечи,
Мир вокруг себя вобрав,
Кто я? Дождик, горы, речка
Или лист поникших трав...

С бородою, как странник древний,
С тертым посохом в руке
Средь родных брожу деревьев
От малярии вдалеке.
Позабыты все напасти,
Вся чума цивилизных благ.
И живу я весь во власти
Леса, речки и бумаг.
Не пытаю доли лучшей,
От добра не жду добра.
Здесь березовые кущи
Светом полнятся с утра.
И от этого свеченья
Чистотою дышит высь,
Наполняется значеньем
Окружающая жизнь.

Вот так и живём...

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Я в лесу не боялся зверей,
В городах опасался людей.
И по сути своей, видит Бог,
Поступить я иначе не мог.
Долго в дебрях таежных я жил,
Со зверями на равных дружил,
Был зверям я и друг, и родня,
И они не боялись меня.
Кто такие подлец и злодей
Средь людей я узнал от людей.
И чтоб мир стал намного добрей,
Поменять бы людей на зверей.

УЧИТЕЛЬ

Памяти А. Глумышкина

Когда он в папиросном дыме
Сидит один по вечерам,
Гнетет его неодолимо
Тоска по дальним берегам
И подступает непреклонно,
И от нее спасенья нет
Тоска о грохоте вагонном -
Извечном гимне непосед.
И бьются, бьются в сердце глухо
И разрываются в груди
Из-за войны, из-за разрухи
Непроторенные пути.
А по утру, лишь только чащи
Рассветным холодом обдаст,
Он от себя, как от несчастья,
К ребятам прихромает в класс.
В рассказы о далеких инках
Иль о нашествиях орды
Вживляет, как страницы книги,
Свой желанья и мечты.
И мечется в ребячьих душах
Мечта по дальним берегам,

И пригвожденно в классе душном
Царит безмолвье по рядам.

Честь и слава тому перепутью,
На котором пробился родник!
Не болею тоской по безлюдью.
Я к безлюдью, как к дому, привык.
В городском надоедливом гаме,
В суете нескончаемых дел
Я не раз был отвергнут друзьями,
Потому, что врагов не имел.
Хорошо мне бродить за поселком
От никчемных речей вдалеке,
Понимая, о чем перепелки
На своем мне поют языке.
Дышит поле цветочное волей.
Солнцем залиты выплески трав.
Уготована светлая доля
Светлым людям за благостный нрав.
И мои полноводные реки
Никогда не иссякнут во мгле.
Ой, вы люди мои - человеки!
Как мне радостно жить на земле!

МАРИНА

Имя в памяти несу
Светлое - Марина...
Поосыпалась в лесу
Ягода малина.
Где нас лодочка несла,
Где цвели купавы,
Только тина у весла,
Только воды ржавы.
Между кочек, между пней
Не расти отаве.
Где встречали зори с ней,
Позасохли травы.
Перепелкой о былом
Песенка пропета.
В чистом поле за селом
Отгорело лето.

От природы горожане
Под искусственный покров
К лучшей жизни убежали
В дебри каменных домов.
У жилых подъездов нищий
На асфальтном пяточке
Так усердно что-то ищет
В грязном мусорном бачке.
Может, он, вздыхая горько,
В этом каменном раю
По заплеванным задворкам
Ищет долюшку свою?
К холодам гарцует лето,
Умирает день к ночи.
Дремлет матушка-планета,
Как старуха на печи.
С неба месяц, как огрызок,
Тускло свет роняет всклень.
По ночам гуляет призрак
Позабывших деревень.

Учинив над былым перелом
В дикой гонке за бешеным налом,
Словно сука с цепным кобелем,
Повязалась власть с криминалом.
Этой помеси в царстве рубля
И наглеть, и жиреть, и кичиться,
И, набычив свой лоб у руля,
Сволочью сволочьем сволочиться.
Всю страну меж собой поделая,
Вороньем разлетаются воры,
Подлый норов и нрав оголя,
Под себя подбирают просторы.
А другим с нищетою в горсти
Ковылять по юдоли убогой.
Как пробиться и с честью пройти
По дороге, начертанной Богом,
Где забыт оживляющий смех,
Где изжита достойная песня,
Где ощерившись смотрит на всех
Черный зрак с черноты поднебесья?

КУРОРТНАЯ РОМАНТИКА

Алтайская экзотика
Мне веселила глаз.
Под элегантным зонтиком
Вы шли в вечерний час.
Вы шли по Белокурихе,
Как лама в сердце рошь,
Вы шли, а небо хмурилось,
И шел, конечно, дождь.
Сапожки с белым рантиком
И кимоно в кайму.
Курортная романтика
Вам, видно, ни к чему.
Вы, вероятно, с Севера,
Живете на морях
И ваш супруг на сейнере,
Должно быть, в рыбалях.
Мой шаг за вами клеится,
Не зная чем влеком,
И с вами, разумеется,
Совсем я не знаком.
А доведись - уверенно
Мог рассказать бы вам,

Что тоже жил на Севере
И рыбу удил там.
Вдруг к вам самоуверенно
Плюгавый, как сморчок,
Выходит из-за дерева
Невзрачный мужичок.
Щебечет что-то около
Гнилой интеллигент.
Машина дверцей хлопнула,
И вас в помине нет.
Себе сказал я: «Дожили!
Везет же дуракам!»
И целый час под дождиком
Стоял, как истукан.
Под серой тучей с Севера
Я, как погода, сник.
Эх, лучше бы на сейнере
Мне плавать в этот миг.

Была душа живая,
Пела: «Не забудь!»
А стала - ножевая
Рана во всю грудь.

ВРЕМЯ

Было.
Вместо насущного хлеба
От избытка немеренных сил,
Без труда необъятное небо
Я на плечи свои взгромоздил.
И глубинные таинства взору
Пораскрылись своей новизной.
Мне леса и поля, и озера
Длань простерли на шири земной.
Но отрава блаженства и лени
Не осмыслилась в поступи лет:
Божьей карой пронзило колени,
Завечерился солнечный свет.
Я согнулся под тяжестью ноши
И увяз в суете и тщете.
Это бремя тяжелой подошвой
Раздавило меня в темноте.

Отгорела, переколобродила
В сердце одержимая пора.
Ну во что еще мне верить, Родина,
Как дожить до нового утра?
Об утратах стоит ли печалиться?
Им еще и маять, и губить...
Только сердцу не к чему причалиться,
Только сердцу некого любить.
Небо сыто звездами усеяно.
Злая замаять.
Мертвая зима.
Как нас студит рано и безвременно
Трезвость чувств да изморозь ума...

Не вернуть былых затей.
Они сгорели в знойном лете.
Уже у вызревших детей
Свои понародились дети.
А я еще в себе несу
Все то, что юностью отпето,
Последней ягодкой в лесу
Дроздами склеванное лето.

Светлые дни отблистали,
Темных ночей не избыть.
Ноги отказывать стали, -
Буду помногу ходить.
Вышибу недуг клин клином,
Сброшу свою маяту,
И по дороге за тыном
Вновь сам себя обрету.
Выбежит внучка к дороге
И не узнает меня.
Скажет:
- У путника ноги
Резвые, как у коня.

От забот, от житейского груза
Заскорузла душа, заскорузла.
Все прошло. И во мне лишь осталась
Только старость. Одна только старость.
Появляются, как из заначки,
Злополучные хворь да болячки.
Тело мучают козни погоды,
Нищий облик предзимней природы,
Прошлых радужных дней отголоски,
Да былых впечатлений обноски.
Одряхла, как плоть, даже муза...
Заскорузла душа, заскорузла.

ОСЕНЬ

Охрою застыт кусты
Тусклую прозелень сосен.
Вновь у незримой черты
Крылья прорезала осень.
Там, где мальчишка босой,
Душу чудесил для песен,
Ходит старуха с косой
По увядающим весям.
Душу терзало и жгло,
Сердце неистово билось,
Божеский дар - ремесло
В страсти и муках гранилось.
Где той поры мишура
Да детородное семя?
Сдвинуло все во вчера
Неотвратимое время.
Дней, опрокинутых в ночь,
Не удержать в круговерти.
Топчется где-то обочь
Тайна и жизни, и смерти.

УМРУ - ДУША ОСТАНЕТСЯ

Умру - душа останется
У речки поутру
Присядет вечной странницей
К рыбацкому костру.
И рыбаков по случаю
На росном берегу
Я страстью неминуемо
Незримо обожгу.
Им с сущим пониманием
Вселю благую мысль -
Чем дышит мироздание
И как струится высь.
Чтоб им в злобе нечаянной
В сердцах не замутишь
Речушки нескончаемой
Божественную нить.
Не заболеть под кущами
Под гнетом нищеты,
Пытая долю лучшую
Нехваткой доброты.
В заботе и на пахоту
Нести благую весть
И жизнь любить распахнуто
Такой, какая есть.

Я выплеснут проспектом
В гудение и вой.
Я мал и не приметен,
И здесь себе не свой.
И этот город людный
Безжалостно готов
Меня и смять, и сплюснуть
Громадами домов.
А мимо разодеты
как головы в хомут, -
В свои заботы вдеты
Прохожие идут.
И то подступит пыткой,
То холодом обдаст
Чужой души улитка
И отчужденье глаз.
Во мне расцвет, вздыхая,
Родившись исподволь,
И чья-то боль чужая,
И собственная боль.
Фонарь и тот, сутулясь,
Поник и воздух - жечь,

И равнодушие улиц
Меня готово
Съесть.

1955 г.

г. Новосибирск.

СЕСТРЕНКЕ

Вновь мне грезится наша сторонка,
Вновь всю ночь не смыкаю я глаз.
Неспроста, знать, родная сестренка,
Не дает мне покоя Барзас.
Лишь припомню его я, и сердце
Вмиг удвоит биенье свое.
Неужели на родине детства
Укрывается счастье мое?
Знаю,
Счастья вещунья - кукушка
Не накличет, пустая, хоть плачь.
Счастье -
Нет, не такая игрушка,

Что завел, и запрыгало вскачь.
Как же мне отыскать это счастье?
Где и в чем затаилось оно?
В шумном цехе? В таежной ли чаще?
Там ли, где вызревает зерно?
Чтоб в исканьях не знал я печали,
И утрат не изведал мой труд,
Ты послушай: в тайгу не меня ли
Ранним утром кедровки зовут?
Продолжают ли наши просторы
В чуткой грусти без усталости ждать
Человека,
Сумел бы который
Нашим рекам, тайге и озерам
Свое сердце живое отдать?
Если это все так, то, сестренка,
Слушай,
Вот оно - сердце мое!
Будет время.
В родимой сторонке
Я найду это счастье свое.

*Январь 1955 г.
г. Новосибирск.*

У СТЕНДА

Он у стенда рядом встал со мною.
Выправка, что надо, стройный, бравый
А на стенде воины - герои.
В дни войны овеянные славой.
Слева в позолоченной оправе
Фото. Подпись: «Валентин Покроев».
Ниже: «На Днепре за переправу
Удостоен звания Героя».
А еще по вязи четких строчек
Узнаем: он родом из Сибири,
До войны работал бригадиром,
Воинская должность - пулеметчик.
Мой сосед-солдат вперед подался
И, видать, в груди его клокочет...
Я взглянул и сразу догадался:
Это... это тоже пулеметчик!

Июнь 1956 г.

г. Юрга.

Одолеем это дело,
Не бежать же в караул.
Сослуживец опасаясь
Сел на стул, скосил глаза,
И машинка, спотыкаясь,
На макушку поползла.
А вокруг ребята шутят:
- Ай, Емелин!
- Ну мастак!
- Голова, что кактус будет.
- Смажь машинку, плохо так!
А Емелин плутовато
Ухмыляется под нос...
Смотрим мы, а у солдата
Словно не было волос.
И Кузьму с минутным стажем
Мы пустились поздравлять.
Он смеется: - Служба наша
Академии подстать!
Все сгодится для пехоты,
Что освоил, что постиг...
А сейчас бы я с охотой
Языки врагам отстриг.
Клевету, стараясь шибко,
Льют повсюду, злом дыша.

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

А для них моя машинка
В пирамиде - хороша!
«В грязь лицом он не ударит», -
В нашем взводе говорят, -
Хоть и молод этот парень,
Но сноровистый солдат!

*Май - июнь 1956 г.
г. Юрга.*

СТАРШИНА

У пирамиды смеха взрывы,
Борьба и споры у окна.
И вдруг походкой торопливой
Вошел в казарму старшина.
Борьбе конец. Притихли споры.
И сразу масса перемен...
Один солдат поправил ворот
И туже затянул ремень,
Другой с улыбкой виноватой
Под койку стул задвинул свой...
Понятно - новички ребята -
Робеют перед старшиной.
А он обвел всех быстрым взглядом
И улыбаясь пробасил:
- Свиридов, ты с ремнем уладил,
А шапка - звездочкою в тыл.
За новичками наблюдая,
Я, старослужащий солдат,
Теперь так живо представляю
Каким два года был назад.
Я в каждом деле был неловок,
Повсюду попадал впросак
И старшина без оговорок

Меня учил: не так, не так...
Он поначалу мне казался
И сверхвыскателен, и строг.
Я думал: «Вот, сужить призвался,
А он - почисти котелок!»
Чего со мною не бывало,
Припомню только: ой да ну!
Я с уважением немалым
Теперь смотрю на старшину.
На вид не стар, а волос черный
Как будто иней прихватил.
Он даже в мелочах
Упорно
Солдатом быть
Меня учил.
Он дал понять мне то,
Что в малом
Живет великого залог.
Теперь и мыслить перестал я:
«Пустяк солдатский котелок».
Сейчас большие перемены,
Ребята говорят, во мне.
И очень многим, несомненно,
Я в том обязан старшине.

*Декабрь 1957 г.
г. Новосибирск.*

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Я иду по улице,
Шепчет легкий ветер,
Хитро месяц щурится -
Мой ночной свидетель.
До восторга лунная,
Чуткая, весенняя,
Ночь такая чудная,
Необыкновенная.
Сердце пляшет бешенно,
Будто оно в парке
Так и не утешилось
Поцелуем жарким.

1954 г.

НА ПИРСЕ

Я ждал друзей.
На пирсе толкотня,
Коробки, бочки, ящики, машины.
И на скамейке посвящал меня
В жизнь севера подвыпивший мужчина.
- Нужна для жизни, хлопец, как вода,
Повсюду перво-наперво сноровка.
Сноровки нет - пропал, не жизнь - беда...
Ты знаешь, что такое краболовка?
Смотри, вон в трюме кряду семь часов
Ворочает кулями работяга,
А я схожу, возьму дневной улов,
Сварю, продам и на карман - сотняга.
Здесь подкопить деньжонок: тьфу, буза!
Вот у меня курятик есть, теплица...
Жена моя с базара на базар.
Учися, желторотый, пригодится.
Пыхтя причалил к пирсу пароход,
Бросая в небо дымовые кольца,
Спустили трап до берега
И вот
Идут уже на берег комсомольцы.
Идут...

И на мгновенье порт притих.
Идут лавиной дружною бок о бок
И незнакомый край встречает их
Экзотикою гололобых сопок
Они идут
Завиден их удел.
Им быть творцами сказочных событий.
Им строить жизнь.
Здесь столько важных дел!
Здесь столько неразгаданных открытий!
Порыв сердец их непреодолим.
В их поступи уже видна победа.
Но прежде чем пойти навстречу к ним,
Я вновь взглянул на сытого соседа.
В кривой усмешке рот, зубов оскал,
А под бровями цепкий взгляд теплится.
- Идет твоя погибель! - я сказал, -
Пой панихиду о своих теплицах!

1958 г.
г. Магадан.

Я ПОМНЮ

Я помню, как пилы напевно звенели
Под звонкую дробь топоров,
Крутыми буграми палатки белели
На фоне косматых костров,
И кашель, и песни в бессонные ночи,
И свист разъяренной пурги,
И первые крыши домов у обочин
Глухой непроглядной тайги,
Я помню озябшие, хмурые ели
И кроны седые берез.
Я помню, я помню, как мне надоели.
Метели и лютый мороз.
Теперь,
Где когда-то стояли палатки,
В прошитой ветрами дали,
Широкие улицы стройным порядком
В таежную глушь пролегли.
Теперь абажур, словно синяя феска,
Висит над моей головой.
У койки герань, на окне занавеска
И тишь, и уют, и покой.
Но я не доволен.
Дымлю папирсой.

Мне вновь не уснуть до утра -
Я снова тоскую о далях морозных,
О пляске ночного костра.

*Декабрь 1958 г.
г. Магадан*

ВЕЧЕР

Погожий вечер.
Сумрак робкий
К реке крадется по низинам,
Окрашивая лес и сопки
Под цвет густого нигрозина¹.
Тихи без шелеста берёзы.
А гладь реки - что бархат чёрный.
С луною посредине плёса
Играет хариус проворный.
Вверх слитком серебра взметнётся,
Пойдут круги по глади зыбкой.
Луна легонько всколыхнётся
И расплывается в улыбке.

1958 г.

Славная. Кольма.

¹ Нигрозин - черный краситель

У МОРЯ

Прилив.
Стою на берегу.
Бушует океан.
Любимая,
Я не могу
Покинуть
Магадан.
Пусть встречу тысячи невзгод,
Отдамся делу весь -
Вершить свою судьбу
И вот
Я остаюсь здесь.
А здесь туман,
Такой туман!
Не разглядеть лица.
Он пеленает Магадан,
Как саван мертвеца.
Бьет в сопки океан, звеня
Тяжелую волной,
Зовет взволнованно меня
В край и простор иной.
Туда,
Где солнце над тайгой

Горит, как альмандин...
В тайге я раннею порой
Любил бродить один.
Но коростеля зычный бас
И птичий перезвон -
Все это, кажется сейчас,
Прошедшей жизни сон.
Прилив.
Стою на берегу.
Бушует океан.
Любимая.
Я не могу
Покинуть
Магадан.
Понять я должен до конца
Неведомую даль.
Здесь люди смуглые с лица,
Как рельсовая сталь.
Им не знакома горечь слез,
Суров и прям их взгляд.
Их били ветры, жег мороз,
Но вот они - стоят!
Врачи, шахтеры, моряки, -
Всем дел невпроворот.
Романтики да рыбаки -
Какой это народ!

Я понял их.
Они хотят
Чтоб этот дикий край
Был радостью людской богат.
И чтоб расцвел, как май.
И на грядущие года
У них нацелен глаз.
Встают по тундре города...
А я в тоске погряз
Я одолею
И тоску,
И боль сердечных ран.
Любимая,
Я не могу
Покинуть
Магадан.

1959 г.

Магадан. Бухта Нагаева.

ДОРОГАЯ СТОРОНА

Стоголосым птичьим пением
С красным солнцем набекрень
Сторона моя весенняя
Обживает новый день.
Здесь когда-то с птицей-песнею
По тропинкам я бродил.
Ой ты край мой,
Ну не здесь ли я
Жизнь, как правду, полюбил.
Не под этой ли сосенкою,
Вот у этих бурых пней,
Повстречался я с девчонкою
В утро юности моей?
Здесь у звонкой у протоки я
Так любил рассвет встречать!
С этих мест в края далекие
Провожала меня мать.
Только там меня без устали
Боль глухая люто жгла
Понял я,
 узнал,
 прочувствовал,
Как разлука тяжела.

Возвратясь к родным околицам,
Охмелел я без вина.
- Здравствуй! - Выкрикнуть мне хочется, -
Дорогая сторона.
И на эту стать таежную
С болью радостной в груди
Все гляжу, гляжу восторженно,
Глаз не в силах отвести.

1960 г.

Барзас.

В ЛУННУЮ НОЧЬ

Что за блески на листьях тополя!
Что за лунная чудо-ночь!
Из груди моей резвым сободем
Сердце хочет выскочить прочь.
Пусть залез я подстать лунатику
На пожарную каланчу, -
Ни лунатиком, ни фанатиком
Я, конечно, быть не хочу.
Лишь хочу, лишь желаю только я
В эту лунную ночь,
Сейчас,
Полететь на Луну далекую,
На Венеру или на Марс.
На Земле я чего-то стою...
Дружен с трактором, с топором.
Если надо, канал построю,
Раскорчую аэродром.
Если надо,
Смогу болота
Осушить для садов. До дна.
Не моим ли обильным потом
Оросилась целина?
Я могу быть в воздухе асом,

На земле могу плавить медь,
Ну не мне ли лететь до Марса?
На Луну ли не мне лететь?
Разве страсти мои особые?..
И поэтому в эту ночь
Из груди моей резвым сободем
Сердце хочет выскочить прочь.

*Апрель 1959 г.
с. Усть-Сосново.*

* * *

Простой советский человек,
Я не был выжигой и хлюстом.
И в перевернутый наш век
Живу не разумом, а чувством.
А чувством жить не дважды два.
Не любят чувства постоянства.
Из города в деревню я
Бежал от ужасов и чванства.
А здесь, а здесь все тот же смрад,
Все так же пьют, дерутся, плачут,
Все то же люди говорят,
О том же меж собой судачат.
О, город! - Там, среди гуляк,
Цивилизованного быта
Вся подноготная не так,
Как здесь, заметна и открыта.
Дурак там не поймет никак,
Что город скрыл под мишурюю.
А здесь, в деревне, и дурак
Зачислен в умники, порою.
Но все равно и здесь, и там,
И в чистоплюйстве, и в рутине

Легко живется дуракам,
Как в сытом стойле - животине.

1959 г.

с. Усть-Сосново

РУЧЕЕК

В лучистую даль убегает аллея.
Стою на бугре.
А у ног,
Рожденный весной
И вскормленный ею,
Звенит и звенит
Ручеек.
Звенит,
Как грядущего лета предвестник.
Вот так бы хотелось
И мне,
Пропеть бы
О Родине
Звонкую песню,
Как этот ручей
О весне.

Апрель 1960 г.

с. Усть-Сосново.

* * *

Где жажда жить?
Как в мире пусто!
Даль предо мной, как степь, нага...
Ушел я в низменные чувства,
Как речка входит в берега.
И половодьем поистрачен
В своем потоке серых дней
Я не печалюсь и не плачу
О горькой участи моей.

Один,
Как лед в глуби колодца,
Другой
В делах сгорел до тла...
По мере, зная, вливало солнце
Нам в души своего тепла.
И коль под солнцем умудренным
Я сердцем начинаю стыть,
Зачем грустить о несвершенном
И о несбывшемся грустить?

Август 1967 г.

* * *

Меня печаль давно не сушит.
На сердце тихий, добрый май.
Раскрой немеркнущую душу
Передо мной, родимый край.
Прими, прими единове́рца
И жить, и думать научи.
Смотри, в моем пробилась сердце
Твои таежные ключи.
И я войду легко и тихо
В твой стан обетованный
Где
В твоей ночи любая пихта
К своей нацелена звезде.
К тебе - восторженному краю -
Пролег любви сыновий путь.
Мне от тебя, я это знаю,
Как от себя, не повернуть.
С тобой мне петь и веселиться.
И я, нескладный и большой,
Хочу, как капля с морем, слиться
С твоей бескрайнею душой.

1973 г.

СОСНА

По лесам, по водам и по нивам
Бродит разухабисто весна,
А в тени оврага за обрывом
Дремлет легкокрылая сосна.

Крикнуть я хочу на всю округу,
Оглашая голубую тишь:
- Эй, сосна! взмахни крылом упругим
И, быть может, к солнышку взлетишь!

1956 г.

КЕДР

Ревели пилы в частой чаще,
И полегла деревьев рать.
Лишь кедр нетронутым остался
За молодеческую статью.
И он стоял под сводом синим
В своей осознанной красе.
Высокий, солнечный и сильный
На вырубочной полосе.
Но подступила буря к кедру,
И пал на землю исполин.
...Знать, нелегко бороться с ветром,
Когда останешься один.

1968 г.

ЗЕЧКА

Я пацаном шишкарил с «зечкой».
С мешком смолистым на плече
Она за мной, как на уздечке,
Ходила в хмуром кедраче.
Нужда нас вместе повязала:
Штаны мне снились и портфель,
А ей голодные вокзалы
И мать за тридевять земель.
Ряба она и кособока,
Как без вершины карагач,
И лагеря ее до срока
Сактировал тюремный врач.
За мной плелась походкой хилой,
И было непонятно мне:
Какая жизненная сила
Ее таскает по земле?
Однажды куль добротных шишек
Тайга нам выделила в дар.
Она в вагоне, я на крыше
С ней в город едем на базар.
Я до сих пор не понимаю,
Как мы смогли, не спавши ночь,

Оставив поезд, до трамвая
Наш груз нелегкий уволочь.
В трамвай с толпою цепкой кошкой
Она просунулась с мешком,
Я ж был оттиснут от подножки
Каким-то грубым мужиком.
Я исходил без передышки
Весь рынок вдоль и поперек...
Прощай, портфель, штаны-штанишки,
Она и денежный мешок.
Под вечер к поезду вернулся.
Босые ноги поиссек.
Скрипел зубами: «С кем стакнулся,
Кому поверил, дурачок».
И тихо плакал на вокзале,
Познав впервые силу зла.
Попутчики мне рассказали:
Она в трамвае умерла.

1966 г.

* * *

Уйти к себе, уйти в леса.
Услышать трав и птиц поверья,
Где мехом огненным лиса
Зажгла осенние деревья.

Привычкам ход переменить
И, с Божьей помощью извыше,
В себе незнамое открыть
И несказанное услышать.

И усмотреть, и осознать
Весь путь с рожденья до погоста,
И с легким выдохом сказать:
- Как в жизни все легко и просто.

1971 г.

МАРТ

Не желая броситься в крайности,
Выжидатель - ни дать, ни взять -
Март боится до чрезвычайности
Темперамент свой показать.
То морозцем слегка ударит,
То на крышах растопит снег.
Он похож на соседа-парня,
Тот умеренный человек.
Я и сам в себе неуверенный,
В неудачах со всех сторон,
То ли намертво, то ли временно
В перепутьях застрял, как он.

Март 1967 г.

* * *

Мне одна лишь печаль дана.
Смех лучу, а душа в хандре.
Пятый день во дворе весна...
Только нет весны во дворе.
Закуржавело, замело,
Расходилась сумятица вновь.
Я не верю совсем в тепло,
Как не верю в свою любовь.
Безразличьем себя губя,
С сердцем ветренным во крови,
Пятый год я люблю тебя,
Только нет у меня любви.

1967 г.

* * *

Твои слова ударят в спину.
И я с туманом в голове
Уйду в тайгу и лешим сгину
В колючих сучьях и траве.

Листва твои упрячет плечи,
К земле былинкою пригнет,
Твои глаза загасит вечер,
Улыбку ветвь перечеркнет.

Но в ночь глухую звезды броско
Свой свет прольют на кедрачи,
И белоствольная березка
Тебя вдруг высветит в ночи.

И, забыв про все на свете,
Я ноги измозолю в кровь,
Чтоб с запоздавшимся рассветом
К тебе, как встарь, явиться вновь.

1997 г.

* * *

Для чего тебе, скажи,
Вместо женской робости
Злости ярые ножи
И железо в голосе?

Не могу тебе я спеть
Ни единой песенки.
Растоптала, как медведь,
Ягодки - неженки.

Не прощаю и, изволь,
Не ищу прощения,
Только знаю - боль за боль
Выйдет, как отмщение

Только знаю - целовать
Не могу я гневную...
Не убавить, не унять
Скорбь мою душевную.

1972 г.

ЗЕМЛЯНИКА

Как уголья, огнелика,
Запашистая, как мед,
По полянам земляника -
Сладка ягода растет.
Только ветер спозаранку
Загасил в траве росу,
Мы окрестные полянки
Поизлазили в лесу.
Вились мошки, пели птички,
Травы дыбились стеной,
Только в рот нам землянички
Не попало ни одной.
Ты под ноги не глядела
С блеклой веточкой в руке
Все тоскливо песню пела
О служивом о дружке.
Земляника, земляника
Не порадовала глаз,
Пламенея огнелико,
Где-то зреет не для нас.
Не для нас поют рассветы
И ромашки пьют росу.
И, быть может, вовсе нету
Сладкой ягоды в лесу...

1973 г.

ЗМЕЯ

Чтобы светом одаривать лица,
Самому сотворить идеал
И гармонией жизни упиться,
На груди я змею согревал.
Я, как маг, концентрировал волю,
Сердцем свет источал и тепло,
Пламенел всеохватной любовью,
Чтоб в добро переплавилось зло.
А змея возле сердца шипела,
Проявляла змеиную суть.
Безобразное, скользкое тело
Леденило мне плечи и грудь.
Непреклонен был норов треклятый
И глухие бесчинства змеи.
Уходили в напрасные траты
Всеблагие усердья мои.
Мне однажды безжалостно в тело
Злое жало вонзила она.
Содрогнулась. И вмиг околела...
И испил я досаду до дна.

1996 г.

* * *

Когда решается подлец
На грех коварный, как Сальери,
Он неминуемый конец
Подводит собственной карьере.

Куда б не двигал он весло,
Каким бы не кичился рангом,
Свершенное когда-то зло
Его ударит бумерангом.

* * *

Душа,
Как шкура,
Задубела.
Она,
Как выставшая печь,
Пытается
Больное тело
От бед насущных
Уберечь.

Огонь
Не высветится в рюмке,
И сердцем гнев
Не побороть,
Где тешат злобой
Недоумки
Свою хворобистую
Плоть.

1995 г.

КОШКИ-МЫШКИ

Мышеловом мне не стать -
Не по мне охота.
Не хочу с тобой играть
Я в одни ворота.

Я свою умерю плоть,
Усмирю излишки.
Пусть рассудит сам Господь
Наши кошки-мышки.

И укажет нам перстом,
Где для кошки сало...
Только мышью и котом
Быть нам не пристало.

1985 г.

* * *

Ель под снежной подушкой
В беспощадном снегу
Перегнулась макушкой,
Превратилась в дугу.

Вниз от тяжести ветки
Наклонились у ней,
И она просит ветер:
«Пожалей, пожалей,

Как бы мне не сломаться -
Видишь, выгнуло грудь.
Помоги приподняться
И на солнце взглянуть...»

Так и я с тобой рядом
Еле-еле дышу
И отчаянным взглядом
Пониманья прошу.

1983 г.

МЁТЛЫ

На рассвете зябнут вётлы.
Отживают сны в домах.
Будят птичий щебет мётлы
Спозаранку во дворах.
Мётлы ходят по асфальту,
Мётлы с утром говорят,
Мётлы трудятся без фальши,
Дело доброе творят.
Я смурной и агрессивный,
Чертыхаясь на ходу,
Самому себе противный
Мимо дворников иду.
На душе моей и в сердце
Нескончаемая ночь.
От судьбы не отвертеться,
Груз проблем не уволочь.
Нависают в небе хмуρο
Тучи серые в тиши...
Кто мне, кто мне в это утро
Сор повыметет с души?

1993 г.

ОДИНОЧЕСТВО

Простор от края и до края
Объял усталые поля.
О чем молчишь, юдоль земная?
О чем молчите, тополя?
О том ли,
Что под небом древним
Под вздохи и табачный дым
Мы прорастаем, как деревья,
Лишь одиночеством своим?
Оно в страданиях, не лукавя,
В перипетии злых дорог
Наметит путь к добру и славе
Или согнет в бараний рог.

1984 г.

СЛОВО

По сиротски, без пищи и крова,
Без надежды уйдя за порог,
В мире бродит желанное слово,
Что тебе я промолвить не мог.

Я бы сердцем его неиспитым
Превратил в луговые цветы,
Я б вложил его в губы поэта.
Только в этом нуждаешься ль ты?

В зрелый ягодник прячется лето
И уже отцвела сарана...
Вижу я: знать не хочет все это
Твоих мыслей и глаз глубина.

Не с того ли с улыбкою квелой,
Приглушая душевный огонь,
Я молчу, словно тополь комолый,
И живу, как стреноженный конь.

1985 г.

* * *

В. М.

Ликует день в довольстве и красе.
В веселых бликах скверы и брусчатка.
А ты опять, как белка в колесе,
Чтоб обустроить видимость достатка.
В проникновенном взгляде трезвый ум.
Бухгалтерский расчет на «чет» и «нечет»,
А где-то сосен первородный шум
И в необъятном небе вольный кречет.
А где-то сиротливые слова,
Они, как дети ~~дети~~ без присмотра, нищи,
Как без дождей июльская трава,
Как угольки в оставленном кострище.
А ты весь день, как белка в колесе,
Как в упряжи груженная лошадка.
А солнышко в осознанной красе
Излить любовь стремится без остатка.
Как муравей, верша дела свои,
Ты в суете познаешь цену пота,
Но так и не созреешь до любви.
В усталом теле крыльев нет для взлета.

1985 г.

ПОДАРОК

Мы сидели у речушки
К нашей общей радости
- Не хочу! - Твердит подружка, -
Ни конфет, ни сладости.

Улыбающимся солнцем
Щедро позолоченный
В ручейке лежал на донце
Камушек обточенный.

Я подумал: «Будет рада»,
- На, возьми-ка, Галочка!
- Вот удумал! Мне не надо
Этого подарочка,

Подарю тебе сердечко
И приму конфеточки,
Только ты влети мне речку
В косу вместо ленточки.

1977 г.

ДЕКАБРЬ

Выйду утром за ворота
Под студёный небосвод,
Где старик-декабрь работу
Добросовестно ведёт.

Лезет в щели по закуткам,
Снег бросает на чердак,
В индеевых прячет будках
Злые крендели собак.

- Хватит, старец, суетиться,
Отдохнул бы, как медведь!
- Не могу я не трудиться,
Надо многое успеть.

Над домами дым куделью
Я весь день тяну из труб,
Обряжаю пихты, ели
В горностаевый тулуп.

Прошиваю крепкой прошвой
Пни и кочи у болот.
Звонким хрустом под подошвой
Приближаю Новый Год.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

По промозглым перелескам
Сбросив с плеч рассвета лень,
Сочным хрустом,
Легким треском
Топотал январский день.

В буераках за оврагом
Хороводил волчий гон,
В гайнах белкам и летягам
Навевал тягучий сон.

Одевал литьем роскошным
Сиротливые кусты.
Чутким был и осторожным,
Как звериные усы

На проселочной дороге
Под тулуп возницы лез
И крещенские морозы
Нахлобучивал на лес.

1990 г.

НЕСЧАСТЛИВАЯ ДУША

По реке с названьем: «Лихо»,
С тусклым взглядом,
Чуть дыша,
Проплывает тихо-тихо
Несчастливая душа.
Сквозь туманы
Еле-еле
Продвигаясь,
Будто в дым,
Поистерлася о мели
Одиночеством своим.
Обескрыленную птицей,
Тонкой былкой на меже,
Боль сиротская таится
В этой горестной душе.
Знать, с собой ей нету слада,
Знать, не верным выбран путь...
А всего-то ей и надо -
Взгляд свой к людям повернуть.

1988 г.

БЕСКОНЕЧНАЯ ПРИСКАЗКА

«Вор у вора дубинку украл».
Народная поговорка.

Как-то летом по тропинке,
Кондыляя через бор,
Злополучную дубинку
Утащил у вора вор.
С ней шагал по белу свету,
А когда мозоль натер,
Вместе с лошастью карету
Своровал у вора вор.
Дальше - больше. Путь не долгий,
Жизнь вошла в сплошной мажор,
И уже в машине «Волга»
Газанул от вора вор.
Колеси, шикуй и барствуй!
Но вошла натура в жор:
Власть над целым государством
Отхватил у вора вор.
А когда под дольной крышей
Весь народ пустил в разор,
Вор опять на тропку вышел,
И опять дубинку спер.
С ней шагал по белу свету...

1995 г.

МУЖИК С ИДЕЕЙ

Как лохмоть элитной касты,
Иль кастрированный бык
Рыхлый, толстый, запинастый
Шел по городу мужик.

Студенистой тушей млея
В непреклонном кураже
Трепыхалась в нем идея.
Та, что умерла уже.

Он ее с собой, беднягу,
Под людской галдеж и хай,
Как издохшую конягу
Заволок, кряхтя, в трамвай.

И они сидели хмуро
С твердокаменным лицом,
Как искормленная кура
С пестицидовым яйцом.

1994 г.

ГАЗЕТА

За столом сидит газета,
Брюхом с голоду шурша,
Перед нею подогрета
Вместе с туловом душа.

Для приправы хрен и уксус...
- Не волнуйтесь! - Говорит, -
Борзописцы мне по вкусу
И таланты в аппетит.

И немало переела
Я за свой бумажный век
Нерешительных и смелых.
И здоровых, и калек.

Поддеваю вилкой душу,
Обволакиваю ртом,
Ну а тулово - искушать
Оставляю на потом.

1988 г.

КУЗНЕЦ

Памяти Виктора Долганова

Крупно скулы - углом,
Выше - выпуклость лба.
Лик его топором
Высекала судьба.
И хлестала хлыстом,
И пускала вразнос,
Не расскажет о том
Дым ночных папирос.
Только в жизни, как хвоц,
Он душой не зачух.
И в глазах его мощь,
И могучность в плечах.
Как строитель стреху,
В это скопище сил
Он в кузнечном цеху
У горнила крепил.
За широкой стеной
Полночь бродит во мгле.
Он сидит предо мной,
Как наездник в седле.
В прошлом - козни друзей.
Где-то в прошлом жена,

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

Но надежней и злей
Под ногой стремяна.
И пояростней кнут,
Так, чтоб конь на дыбы,
Там, где ветры орут
На дорогах судьбы.

1980 г.

ГОВОРУНЫ

Оговорки, поговорки,
Как заевшее реле,
Запускают лихо с горки
По набитой колее.

Дяди, тети за пирушкой,
Умно выкатив глаза,
Как детсадники игрушкой,
Все играют в словеса.

Воздвигают пирамиды,
Эфемерный строят дом,
А заботы и обиды
Оставляют на потом.

Льются речи с дудки мыльной
С той и этой стороны.
В говорильной говорильне
Говорят говоруны.

1973 г.

НЕВЕДОМЫЕ ПТИЦЫ

Опять,
Опять из под ключицы
Который день, который год
Летят неведомые птицы
В свой необузданный полет.

Уже по воле человеческой
Корабль космических высот
Садовником или овечкой
Запущен в звездный огород.

Но по домам и птичьим стаям,
И в ярых скопищах планет
Еще непознаны витают
И полумгла, и полусвет.

1966 г.

* * *

Вздымались атомные взрывы
Над полигонами страны.
А мы еще пока что живы
Как пленники,
После войны.
Живем.
А, может, существуем.
И по наитью, может быть,
Болезни числим и тусуем,
И водку пьем,
Чтоб дни продлить.

1987 г.

* * *

От пригорода чад ползучий
В поля и рощи метит след.
И черные клубятся тучи
Исчадием сошедших бед.

Забыт живыми голосами
Многострадальный облик дня.
И мать
Печальными глазами
С портрета смотрит
На меня.

1987 г.

БОЛЬ

По воскресеньям и в субботы,
Себя безжалостно губя,
Я снова в мелкие заботы
Бегу от самого себя.
От дел насущных отвязавшись,
Я говорю себе: - Не трусь!
Но снова сам с собой оставшись,
Я самого себя боюсь.
Я - как заложник без отдачи,
Меня измучили совсем
Не моего ума задачи
И нерешенности проблем.
Мне уготована печать,
Как ненавистная награда:
Зачем я вынужден молчать
О чем кричать давно бы надо.
Зачем так жить в родной стране,
Скрывая праведные чувства?
Зачем извне ползет по мне
И негодяйство, и паскудство?
Как ни крутись, не дать, не взять -
Мне жить, как лошади в загоне
И век свободы не видеть,

Как зеку в злополучной зоне.

Когда нисходит тьма ночная,

Бегу я стежкой в пихтачи

И там шепчу тайге: - Родная,

Меня дурного излечи.

Я жить хочу совсем иначе,

Я позабыть хочу совсем

Мне душу рвущие задачи

И нерешимости проблем.

Тайга, спечалившись, упрячет

Меня в укромный уголок,

И перед взором замаячит

В воде спаситель - поплавок.

Но вдруг, как матерное слово,

Меня хлестнет на берегу...

Я снова, снова, снова, снова

От самого себя бегу,

И ковыляю в город тупо,

И вновь гнетет меня тоска,

И дятлы в барабаны дупел

Стучат, как жилы у виска.

1976 г.

г. Березовский.

ДОЛЯ

Выбрал долюшку-долю себе я,
Все вместилось в моем рюкзаке,
Ни о чем за спиной не жалея,
Закурил по дороге к тайге.
Усмехнулся тщете напоследок
И над утренней россышью рос
Растворился, как воздух меж веток
Елей, пихт и осин, и берез.
По реке, аж до самого устья
Сплавил прочь надоевшую грусть...
Может, к близким когда-то вернусь я.
Может быть, никогда не вернусь.
Только знаю, - на лоне прогретом
Настоящей свободой дыша,
Переполнится солнечным светом,
Добротой и любовью душа.
На холмах успокоятся ветры.
По распадкам уснет снеговой.
Семя зрелое высеют кедры
На просторы Сибири моей.
И, быть может,
Под памятным небом
В тальниках, у светлеющих вод,

Из земли зеленеющим деревом
Образ жизни моей прорастет.

1980 г.

* * *

С трубою черной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложбине пряталась избушка,
И в ней я жил в краю зверей.
Один до родниковой речки
С ведром торил тропу в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.
Во всем придерживался меры,
Себя любя и не любя,
И выгнездить пытался веру
Одну лишь - в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож.
И думал: с таким забралом

В тайге никак не пропадешь.
Мели снега и зори висли.
И я не ведал, что лыжней
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.
Когда пургою ты захлестан
И рядом друга не видать,
Себя во всем совсем не просто
Боготворить иль презирать.
И стал мой сон, как призрак - зыбок.
И, просочась в мое жилие,
Ко мне вскочило на загривок
Зверь-одиночество мое.
Оно нещадно издевалось,
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной.
То, убегая за увалы,
Вело меня в кошмарный сон.
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был придавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.

И за спиною дверь вздыхала.
И был готов бежать я в ночь.
И лайка руки мне лизала,
Не зная в чем и как помочь.

КОТ

От мира отгороженный,
Познав тоску и страх,
Я жил в сторожке брошенной
На четырех ветрах.
Однажды из урочища,
Как чародей извне,
Без имени, без прозвища
Явился кот ко мне.
Он лучшим неухоженным
Обшаривал мой дом,
И уши обмороженно
Топорцились на нем.
Я принял это чудище

И накормил, чем мог.
И он, довольный участью,
Прибился мне под бок.
Там где-то воры шастали,
Чтоб сесть потом в тюрьму,
По улицам - глазастые
Машины шли во тьму...
А здесь, в углу заброшенном,
На ветхом топчане,
Мурлыча,
Плоть звереныша
Рассказывала мне
О том, что в мире дается,
Где трудно жить, любя;
Где можно понадеяться
Лишь только на себя,
О том, что кушать хочется,
Когда съестного нет,
И то, что одиночество
Труднейшее из бед.
Студеною поземкою
Стучала в дверь метель.
Но грела нас убогая
И жесткая постель.
И слушал я участливо,

Что пел мне кот в тиши...
И были, были счастливы
Две сирые души.

1993 г.

БЕРЕЗА

Е. Дубро

Шутя,
Иль греясь от мороза, -
С каких неведомо затей, -
Кору на сажень
У березы
Содрал неведомый злодей.
Всю донага.
Но как ни странно
Передо мною наяву
Береза весело и ладно
Листвой качала синеву.
Я рассмотрел расцеп вдоль стана.

Еще девичьей, зная, порой
Самой березой
Эта рана
Была залечена корой.
Играя силою привычной,
К расправе и жесток, и скор,
В расцеп глубокий, непривычный
Проникнуть не сумел топор.
Зеленый шелест над поляной
Ветров не выстудила мгла.
Былая боль, былая рана
Березе выжить помогла.
По ней к груди ее ветвистой
Земли родной струится сок,
И шелест выстраданных листьев
И многозвучен, и высок.

ПЕСНЯ

Статные ели и стланники низкие
С гимнами птиц среди ветвей
Славят хоромы мои материнские
Жизни простецкой моей.

Город покинул я не сожалеючи,
Где вы, друзья и враги!?
Зайчики, белочки -
Мальчики, девочки,
Я - человек из тайги.

Пела любимая - сладкая умница,
Сгнуло все и ушло.
Пела - любимую, смолкла - отступницейй
К золоту и в барахло.

Смотрит на мир сквозь две узкие щелочки,
И оскудели мозги.
Зайчики, белочки -
Мальчики, девочки,
Я - человек из тайги.

То дураки, то кретины-ошалыники -
Весь кроволубящий гнус:
Воры, жулье, воротилы-начальники
Грабят родимую Русь.

С другом песенником А. Н. Сергеевым

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

Почести выложи им на тарелочке,
А возражать не моги.
Зайчики, белочки -
Мальчики, девочки,
Я - человек из тайги.

Сердце мое не приемлет лукавости.
Чужды мне подлость и лесть.
Нету во мне ни корысти, ни зависти.
Только - свобода и честь.
Друг не продаст меня здесь за фунт мелочи
И не охают враги.
Зайчики, белочки -
Мальчики, девочки,
Я - человек из тайги.

1973 г.

ТАЙГА МОЯ

Нет ни копейки, а богаче всех.
В наградах весь, а нету ни медали.
Не потому ли мой веселый смех
Ручьи по перелесьям расплескали?
Целуй меня, духмяная трава!
Люблю твои узорчатые платья.
И людям благодатные слова
Роняйте с пихт, крылатые собратья!
Тайга моя,
Я все твое приму.
Храни, оберегай меня, как сына.
В твоём неувядающем дому
Свободой дышит каждая осина.
Здесь всякий куст мне близкая родня.
Твоих деревьев праведные листья
Повыучили сызмальства меня
И чести, и любви, и бескорыстью.

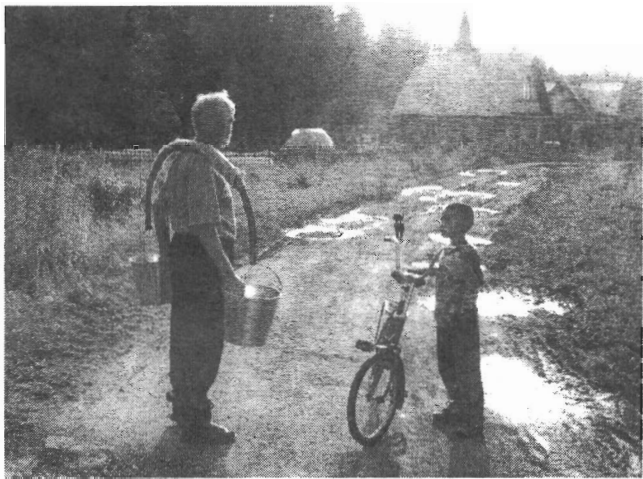
* * *

Мне мил неприхотливый быт
И вольный дух родного края.
Душа нисколько не скорбит
О каменно-бетонном рае.

Когда край неба над бугром
На соснах поостудит ветки,
Земля, угретая костром,
Мне дарит сон благой и крепкий.

Сливаюсь накрепко с землей
И эта связь не оборвется.
Кузнечик рядом спит со мной,
А утром нас поднимет солнце,
Чтоб всем нам вместе осязать
Великолепие земное:
Березу добрую, как мать,
И птичью радость над собою.

ДУША И РАЗУМ

Дна души мне не измерить, -
В ней рассудку не приют.
То ли там грызутся звери,
То ли ангелы поют?

Самому себе загадка,
Темный ребус сам себе,
То ли горько, то ли сладко
День означится в судьбе.

Сердце чуткое подскажет
Тропы тайные в пути,
Ну а разум не уважит
До предчувствий снизойти.

* * *

Налетела зима. По просторам
Белым пламенем ветер сквозит,
Неуемным ребячьим задором
Мне и тело, и дух молодит.

Я сегодня - звереныш из клетки -
Так привольно и радостно мне.
И кустов обнаженные ветки -
Не преграда на звонкой лыжне.

Как бывало, избегаю на кручу,
Чуть пригнувшись, лечу под откос.
Ой ты, ярый, колючий и жгучий,
Милый сердцу сибирский мороз!

Пусть испить мне не много осталось
Свежих сил животворного дня,
Не хочу, не хочу чтоб усталость
Просквозила под старость меня!

БЛАГОДАТЬ

Беда - несчастью спутница
Не ходит в стороне.
Твоя беда - аукнется,
И станет плохо мне.
Не эта ли травиночка
С макушки до корней
Усохла от слезиночки -
Печалинки моей?
Не эта ли прохожая
Повыбилась из сил,
Что слово нехорошее
Я где-то обронил?
И не с того ль утраченный
За чей-то стыд и страх
Оплыл свечой назначенной
Огонь в моих глазах?
Иду стезей, как связанный,
За чей-то мордобой
Исхлестанный, наказанный
Я весь самим собой,
А мне всего-то хочется
В себя вместить-вобрать
Рассвет над птичьей рощицей
Да Божью благодать.

1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. БЛАГОВЕСТ

«Кому-то плетть корзинки»	6
Сын	7
Ночлег	9
«Я опять тебя не встретил»	11
Позывные	12
Пурга	13
Лыжня	15
Бессонница	17
В разлуке	18
«Когда исходит сердце болью»	19
А ты ушла	20
Повелика	21
Нас приветила деревня	22
«Холода надвигаются»	24
Колю дрова	25
Вьюга	26
Первая метель	27
Оживляю ночь стихами	28
Петруха	29
«Если сердце»	30
Не бойся	31

Мой огонь	32
Молчание	33
Я приду	35
Душа и разум	36
До свиданья, зима	37
Зов весны	38
Выздоровление	39
Зрелость	40
Саранка	41
«Где от жажды талинки»	42
Расставание	43
Доброе лето	45
Где удача?	46
Благовест	48
Кто я?	49
«С бороною, как странник»	50
Люди и звери	52
Учитель	53
«Честь и слава тому перепутью»	54
Марина	55
«От природы горожане»... ..	56
«Учинив над былым перелом»	57
Курортная романтика	58
«Была душа живая»	60
Время	60
«Отгорела, переколобродила»	61
«Не возратить»	62
«Светлые дни отблестили»	63
«От забот»	64
Осень	65

Умру - душа останется	66
-----------------------------	----

II. ВЕХИ

«Я выплеснут проспектом»	68
Сестрёнке	69
У стенда	71
Рядовой Кузьма Емелин	72
Старшина	75
После свидания	77
На пирсе	78
Я помню	80
Вечер	82
У моря	83
Дорогая сторона	86
В лунную ночь	88
«Простой советский человек»	90
Ручеёк	91
«Где жажда жить?»	92
«Меня печаль давно не сушит»	93
Сосна	94
Кедр	95
Зечка	96
«Уйти к себе, уйти в леса»	98
Март	99
«Мне одна лишь печаль дана»	100
«Твои слова ударят в спину»	101
«Для чего тебе, скажи»	102
Земляника	103
Змея	104
«Когда решается подлец»	105
«Душа, как шкура, задубела»	106

Кошки-мышки	107
«Ель под снежной подушкой»	108
«Обернулось солнце заполден»	109
Мётлы	110
Одиночество	111
Слово	112
«Ликует день в довольстве и красе»	113
Подарок	114
Декабрь	115
Зимний день	116
Несчастливая душа	117
Бесконечная присказка	118
Мужик с идеей	119
Газета	120
Кузнец	121
Говоруны	123
Неведомые птицы	124
«Вздымались атомные взрывы»	125
«От пригорода чад ползучий»	126
Боль	127
Доля	129
«С трубою черной на макушке»	130
Кот	132
Берёза	134
Песня	136
Тайга моя	139
«Мне мил неприхотливый быт»	140
Душа и разум	142
«Налетела зима»	143
Благодать	144

Л. М. ГЕРЖИДОВИЧ
СБОРНИК СТИХОВ

Сдано в набор 30.12.2004 г. Подписано к печати 21.01.2005 г.
Формат 70x100 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура
"SchoolBook". Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,4. Тираж 150 экз.
Заказ № 120.

Отп. в ГП КО «Л-Кузн. ППО», ул. Белинского, 17, тел. 3-43-91

1
2
3

❖ След Л. М. ГЕРЖИДОВИЧ ❖